

ОРДЕН Трёх степеней

сказочная эпопея
о мзде, пчёлах
и совести

Сергей Диковинный

Орден трёх степеней

<https://litres.ru/74461789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогой читатель!

Если ты давно мечтал узнать, как: — победить коррупцию, обложив её налогом, — получить орден за то, что честно платил процент с чужих взяток, — завести честного мужика и переодеть его артистом, — и наконец — как поймать совесть за руку и не удержать, —

то эта книга для тебя. Здесь нет положительных героев. Есть только один пасечник, один бронзовый орден и одна шкатулка под замком, которую почему-то никто не выбросил.

Пчёлы не читают. Потому и живут.

Содержание

Глава 1	5
Как Царь Победил То, Что Победить Нельзя	6
Глава 2	11
Как ревизор Устин Платонович попробовал жить без мзды	11
Глава 3	19
Как писарь Гаврюша завёл «Книгу Добрых Дел» и что из этого вышло	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Диковинный
Орден трёх степеней

Глава 1

Как Царь Победил То, Что Победить Нельзя

В некотором царстве, в некотором государстве правил

царь по имени Тимофей Второй — мужчина не злой, но основательный. И была у него одна заноза в державе: коррупция. Взятничество, откаты, кумовство — всё это цвело махровым цветом, как лопух под забором.

Царь боролся. Сначала — казнями. Повесил трёх самых наглых воевод. Через месяц на их местах сидели шесть новых, ещё наглее, и брали уже в два раза больше — за риск.

Тогда царь учредил Тайную канцелярию по борьбе с мздоимством. Канцелярия обошлась казне в три губернии дохода. Возглавил её боярин, который до того был пойман на взятке — но дал взятку тому, кто его ловил.

Потом царь попробовал гласность. Поставил на площади ящик, куда всякий мог бросить донос. Ящик украли в первую же ночь. Дважды.

Советники разводили руками: «Неистребимо сие зло, государь. Как тараканы».

И вот сидел царь однажды ночью, пил квас и думал. И думал так, что голова вспотела. И вдруг осенило его. Озарение было не от Бога, а от усталости.

— Если победить нельзя, — сказал он себе, — то надо возглавить! А что возглавляют? То, что идёт в казну!

Утром он созвал думцев и огласил указ. Указ был простой и дерзкий:

«Всякая мзда, посул и откат отныне суть законный государственный сбор. Облагается налогом в тридцать процентов от суммы. Утайка карается строже, чем сама мзда ко-

гда-либо каралась. Учредить Орден Трёх Степеней за заслуги в деле государственного мздоимства и исправной уплаты с оного в казну».

Первая степень — золотая, с изумрудом. Вторая — серебряная. Третья — бронзовая, для начинающих.

Думцы сначала онемели. Потом первый советник, старый и хитрый, встал и поклонился:

— Мудро, государь. Даже гениально.

И что бы ты думал, читатель?

Первые полгода — благодать. Казна наполнилась так, что царь смог построить флот и подлатать дороги. Чиновники приносили налог вовремя, ибо знали: за утайку — Сибирь, а за честную уплату — орден и повышение. Взяточники стали щеголять друг перед другом честностью в отчётности. Появилась новая профессия: налоговый ревизор по мзде. Это был самый коррумпированный цех в державе, но работал как часы.

Скоро, однако, поползли странности.

Чиновники стали брать взятки не деньгами, а услугами, ибо услуга налогом не облагалась. Кто-то придумал брать вперёд — за обещанную должность. Кто-то начал требовать мзду трижды с одного и того же бедолаги, оправдываясь «инфляцией». А один хитрец основал акционерное общество по коллективному мздоимству — и получил сразу Орден Второй Степени за «высокие показатели отрасли».

Ордена, что важно, стали цениться дороже денег. За зо-

лотой орден можно было выторговать место воеводы. За серебряный — откупиться от суда. А бронзовый орден бедняки... стали подделывать. Появились рынки фальшивых орденов — и это породило новый налог: на поддельные ордена.

Государственный аппарат раздулся вдвое: появились Управа Мзды, Палата Откатов, Департамент Посулов и Особое Собрание по Орденскому Этикету. Всё это, разумеется, тоже брало взятки — но теперь законно, с квитанцией.

А потом случилось то, чего никто не ждал.

Мужик из деревни Гнилые Кочки приехал в столицу судиться с барином за межу. Раньше он бы просто дал взятку писцу. А теперь писец ему сказал:

— Налог с мзды уплати вперёд, тридцать процентов. Иначе бумаги не принимаю.

Мужик почесал затылок, посчитал, заплатил. Получил отказ. Пошёл выше — заплатил, получил отказ. На третьем круге он обнищал, но зато собрал полный комплект квитанций об уплате налогов с трёх взяток. И с этими квитанциями пошёл... в новую инстанцию — Управу Мзды, где сидел ревизор. Ревизор принял его, всё проверил — и, видя, что мужик уплатил положенное государству честно, — выдал ему справку о том, что он «исправный налогоплательщик мзды».

С этой справкой мужик пошёл в кабак и спьяну выиграл дело у барина на третейском суде — просто потому, что у барина справки не было, а взятки он давал без уплаты налога. Барина оштрафовали. Мужик вернулся домой, купил корову

и развёл руками:

— Вот ведь. Три года судился незаконно, а как заплатил налог — сразу правда нашлась.

Прошёл год. Царь собрал совет. На столе лежал отчёт.

Коррупция — та самая, прежняя, дикая — почти исчезла. Но возникло нечто новое: легальная система мздоимства, встроенная в государственный бюджет, с орденами, чинами и отчётностью. Она была устойчивее прежней, потому что теперь у неё была законная основа и государственная защита. Отменить её означало уронить казну. Оставить — означало, что царство живёт не мздой вопреки закону, а мздой по закону.

Царь долго смотрел в окно, потом вздохнул и подписал указ об учреждении ордена Четвёртой Степени — для тех, кто честно не берёт, но налоги с чужих взяток платит исправно.

Мораль сей притчи, читатель, такова: иногда побеждают не тех, кого ловят, а того, кто ловит. Зло, ставшее законом, не перестаёт быть злом — оно лишь получает казённую печать и орден на шею.

А на площади, где когда-то стоял украденный ящик для доносов, поставили памятник — чиновнику с протянутой рукой и квитанцией в другой. Надпись гласила: «Трудами славен и казною честен».

Ящик, кстати, так и не нашли.

Глава 2

Как ревизор Устин Платонович попробовал жить без мзды

Был в Управе Мзды ревизор по имени Устин Платонович Кривошеин. Мужчина дородный, с брюшком, с золотым Орденом Второй Степени на груди и с репутацией человека, который «всё видит, всё знает и ничего не забывает».

Служба его была проста и прибыльна. Сидел он на проверке отчётов по мзде. И за то, чтобы отчёт сошёлся, брал. И за то, чтобы не сошёлся, тоже брал — уже с другого. И за то, чтобы проверить вовремя, брал. И за то, чтобы отложить проверку, брал. Оклад ему шёл от казны, а сверх оклада — от всякого, кто входил в его кабинет с папкой под мышкой.

И вот однажды сидел Устин Платонович на Пасху, разговлялся, и в голову ему пришла мысль. Мысль была опасная, как пороховая бочка в бане.

— А что, — сказал он себе, — если я возьму и не стану брать? Ничего. Ни копейки. Совсем.

Сказал и сам испугался. Перекрестился. Выпил. Подумал ещё раз — и решил: попробую месяц. Всё равно законом это не запрещено. Заберу, дескать, только то, что мне казна кладёт, а прочее — отдам.

Первое утро нового житья началось с бедствия.

Пришёл купец Сидор Спиридонович, принёс отчёт по мзде на десять тысяч, а сверху — конверт. Конверт был пухлый.

Устин Платонович отодвинул конверт.

— Проверка честная, — сказал он. — Отчёт сходится.

Проходите.

Купец побелел. Прямо-таки взялся рукой за косяк.

— Ваше благородие... — прошептал он. — Отчёт-то у меня не сходится. У меня в третьей графе недостача. Я вам нарочно принёс, чтобы вы её не заметили.

— Так вы с недостачей ко мне пришли? — удивился Устин Платонович. — Добровольно?! Да я же вас в Сибирь!

— А раньше как же было?

— Раньше было по-другому. Раньше вы мне давали, я вас покрывал. А нынче я не беру. Так что — недостача налицо. Извольте объясниться.

Купец затрясся, бухнулся на колени, стал просить, стал совать конверт. Устин Платонович конверт не взял, а недостачу занёс в книгу. Купца оштрафовали, а через неделю посадили.

И тут, читатель, случилось непоправимое.

Народ заметил.

По всей Управе пошёл слух: «Ревизор Кривошеин сошёл с ума. Не берёт». Сначала смеялись. Потом забеспокоились. Потом — разъярились.

Потому что вся система, воздвигнутая указом о налоге на мзду, держалась на одном основании: чиновники берут — и платят; берут — и платят. Устин Платонович, отказавшись брать, выпал из этой гармонии. И его отказ был для системы не подвигом, а бунтом. Он был для неё тем же, чем для часового механизма — вывихнутое колесо.

Первым к нему явился сосед по службе, ревизор Колупаев, тоже с орденом, но только Третьей Степени. Пришёл вечером, без папки, с бутылкой.

— Устин, — сказал он вкрадчиво, — ты чего?

— Я как надо.

— Кто ж так живёт?

— Так ведь указ о налоге на мзду...

— Указ — это для порядка. А порядок — для нас. Ты подумай: если ты не берёшь, то как ты в казну налог платишь?

— Никак не плачу. Я и не беру, стало быть, и не плачу.

Колупаев долго молчал. Потом поставил стакан.

— В том и беда, — сказал он тихо. — Ты, стало быть, уклоняешься от уплаты налога с мзды тем, что мзды не берёшь. А это — статья. Ты в каком-то смысле хуже вора: вор хоть казне процент отчисляет.

Устин Платонович задумался. И, к своему ужасу, понял: Колупаев прав. По букве указа выходило, что честный чиновник — нарушитель. А берущий и платящий — добросовестный. Мир перевернулся.

Через месяц начались придирки.

Пришёл следователь.

— Господин Кривошеин, объясните: за отчётный период вы не уплатили в казну налога с мзды. Сумма налога — ноль.

— Потому что мзды не было.

— Так не бывает.

— У меня не было.

— У вас оклад тысяча рублей. Минимальный расчётный размер mzды по вашей должности — пятьсот рублей в месяц. Извольте объяснить, почему вы недополучили доход и недоплатили в казну.

— Позвольте... как же недополучили? Я не получал — значит, мне и не причиталось.

— Вот именно, — сказал следователь с торжеством. — Недополучили. А по указу уклонение от получения законного дохода, облагаемого налогом, есть служебное упущение. Вы, господин Кривошеин, подрываете фискальную базу державы.

Устин Платонович открыл рот и закрыл.

И пошло-поехало.

Его стали обвинять в том, что он «создаёт у просителей превратное представление о службе». Что он «дезорганизует единообразную практику мздоимства». Что он «унижает сослуживцев самым фактом своего воздержания».

Жена его, Марфа Игнатьевна, вернулась из церкви и сказала:

— Батюшка на проповеди поминал «ревизора-отступника, что отринул устои и впал в гордыню». Все на меня смотрели.

— Я же ничего худого не сделал...

— Оно и худо.

Дети в училище начали драться: «Твой отец не берёт — значит, он всех нас позорит». Учитель объяснял: «Ревизор

Кривошеин — пример того, что бывает, когда человек ставит себя выше общего дела».

А потом пришёл орденский указ. Устина Платоновича лишили Ордена Второй Степени — за «несоответствие духу службы». И, дабы не оставлять вовсе без знака отличия, вручили бронзовый, Третьей Степени.

— За что?! — возопил он.

— За исправность в уплате налога с mzды за прошлые годы, — объяснили ему. — А нынешний отказ — это уже ваше личное дело, к ордену не относится.

И тут наступил самый горький день.

Сидел Устин Платонович дома, без дела — его от службы отставили «до выяснения», а выяснять было нечего, всё было ясно. Смотрел в окно. На столе — бронзовый орден, тусклый, как ломоть.

И вдруг стук в дверь.

Вошел купец Сидор Спиридонович — тот самый, которого он по недомыслию посадил. Посидел, отсидел, вышел — помилованный по случаю именин царицы.

— Устин Платонович, — сказал купец. — Вам поклон от всей улицы. И вот, примите.

Он поставил на стол мешочек. Звенел.

Устин Платонович посмотрел на мешочек. Потом на бронзовый орден. Потом на купца.

— Вы за что меня благодарите?

— За то, что вы — единственный честный человек, како-

го я на своём веку видал. И потому что я после вашей милости... чёрт с ним, я вам прямо скажу: я больше не беру. Ни мзды, ни посулов, ничего. Как вы. И у меня уже третий месяц дело не идёт. Торговля стала. Пустая.

Устин Платонович посмотрел на него долгим взглядом.

И взял мешочек.

— Что это? — спросил купец.

— Это первый взнос, — сказал Устин Платонович глухо.

— За прошлый месяц. Я нынче не беру, но налог с мзды уплатить обязан: иначе отчёт не сойдётся. Так что прошу вас — на будущее. Мне не приносите. А вот если кто другой понесёт — запишите. Я вам как ревизор говорю.

Купец ахнул. Потом кивнул. Потом оба заплакали — один от горя, другой от непонятного облегчения.

Прошёл год.

Устина Платоновича восстановили в чине. Орден Второй Степени вернули — с новой формулировкой: «За изыскание нетривиальных путей поступления мзды в казну». Система его в конце концов переварила.

Работал он теперь тихо. Брал — как все. Платил налог — как все. Только спал плохо.

А на площади, где стоял памятник чиновнику с протянутой рукой, приписали к подножию вторую строку:

«И тот, кто не брал, — платил».

Мораль сей второй части, читатель, такова: в державе, где зло узаконено, честный человек опаснее вора. Вора можно

поймать и наказать — а честного нельзя ни поймать, ни наказать, ни понять: он выпадает из всякой мерки. И потому его не терпят — не за грех, а за правду, которая мешает отчётности.

А впрочем, всякое бывает. Бронзовый орден, говорят, у него до сих пор в шкатулке лежит. Под замком.

Глава 3

Как писарь Гаврюша завёл «Книгу Добрых Дел» и что из этого вышло

Был в Управе Мзды молодой писарь по имени Гаврюша — парень тихий, в очках, с чернильницей на пальце и с мечтой в голове. Мечта была простая: чтобы всё было по-честному.

Служил он у того самого Устина Платоновича, в его канцелярии, и целыми днями переписывал отчёты по мзде. Писал он их красиво: с завитушками, с буквицами червонными, с полями золотыми. И вот однажды, переписывая в сотый раз столбик «взято/уплачено», он подумал:

— А ведь если так считать, то мы вроде как и не воры во все. Мы ж казне процент отдаём. Стало быть, мы... благодетели?

Мысль была не то чтобы глупая, а просто юная. И Гаврюша решил её проверить делом.

Он завёл тетрадь. На обложке вывел:

«КНИГА ДОБРЫХ ДЕЛ УПРАВЫ МЗДЫ. За год такой-то.»

И стал в неё записывать всё хорошее, что при его службе случилось.

Оказалось, записывать много. Взятчик, что не взял с нищей вдовы, — доброе дело. Писарь, что потерял бумагу о недоимке богатого купца, — доброе дело. Воевода, что «не заметил» поборов с деревни в голодный год, — доброе дело. Ревизор, что отложил проверку до Рождества, — доброе дело: человеку дали праздник.

За месяц у Гаврюши набралось двести дел. Он был счаст-

лив. Он переписал их в столбик с итогом — и понёс начальству.

— Устин Платонович, — сказал он, — гляньте: двести добрых дел за месяц! Мы, стало быть, не только мзду берём, а и добро творим!

Устин Платонович — уже постаревший, уже вернувший себе орден и тихую тоску — посмотрел на тетрадку. Долго молчал. Потом сказал:

— Гаврюша. А ты вписал туда вот это дело: «Ревизор Кривошеин не взял с купца Сидора, отпустил с миром»?

— Вписал! В первый же день!

— А знаешь, чем это кончилось?

— Чем?

— Того купца в ту ж неделю посадили, потому что отчёт не сошёлся. А потом выпустили. А потом разорили. А потом он повесился. — Устин Платонович постучал пальцем по тетради. — Вот это доброе дело и есть. Бумага — доброе. А человеку — беда.

Гаврюша растерялся.

— Но ведь вы же не взяли, а не взяли — это честно...

— Честно — не значит хорошо, — сказал Устин Платонович. — Иной раз честность — дура. А иной раз — дура без жалости. Ты в своей книге горя людского не записал. Оттого она такая чистая.

И вот тут Гаврюшу осенило — уже по-настоящему.

Он вернулся к себе и завёл вторую тетрадь. Таковую же,

только с чёрной обложкой. И на ней надписал:

«КНИГА ЗЛА, ПОРОЖДЁННОГО ДОБРЫМИ ДЕЛАМИ УПРАВЫ МЗДЫ. За тот же год.»

И стал в неё записывать: кто разорился от «незамеченной» недоимки. Кто помер, не дождавшись «отложенной» бумаги. Кто из-за «не взятой» мзды был посажен и уже не вышел. Кто бросил детей, уехав судиться. Кто продал корову, дом, последний образ, чтобы заплатить налог с мзды, а потом всё равно не решил дела.

За месяц во второй книге набралось... семьсот дел.

Гаврюша сидел над двумя тетрадами: одна светлая, тонкая, радостная; другая чёрная, толстая, страшная. И понял он простую вещь: добро, посчитанное по одну сторону стола, вовсе не добро по другую.

Он понёс обе книги Устину Платоновичу.

Устин Платонович прочёл первую. Потом вторую. Потом перечёл вторую. Потом закрыл и перекрестился.

— Гаврюша, — сказал он. — А знаешь, чем ты теперь на свете занимаешься?

— Чем?

— Бухгалтерией возмездия.

И надолго замолчал.

А через неделю случилось чудо — не чудо даже, а диковинка.

Дело было так. Гаврюша, как всегда, сидел с пером. Входит проситель, мужик из дальнего уезда, Игнат. Пришёл с

прошением о земле. И, по обычаю, положил на стол свёрток — коробочку с пряниками да узелок с медью.

Гаврюша посмотрел на свёрток. Потом на первую книгу. Потом на вторую. И вдруг сказал сам себе:

— А впишу-ка я это дело не в ту и не в другую. А впишу-ка я его в третью.

И достал третью тетрадь — чистую. Надписал: «КНИГА, ГДЕ МУЖИКА ПОМНЯТ». И вписал туда имя, уезд, просьбу, а про свёрток ничего не написал.

А мужику сказал:

— Пряники оставь себе, у меня зубов нет. А вот что я тебе скажу: подай прошение на завтра. И не по обычаю, а по-новому: напиши всё как есть, без сладостей. И пойдём к воеводе вместе.

Мужик не поверил. Но пришёл. И Гаврюша сам написал за него прошение. И сам отнёс воеводе — а воеводе в это время как раз доложили, что в Управе появился писарь, который ведёт учёт «чёрных книг» и «белых книг» и «уже сам не знает, чего хочет». Воевода заинтересовался.

Дело решили за месяц. Без мзды.

Об этом прознали. И по Управе пошёл странный слух: «Есть писарь, что всё может сделать без денег».

И вот тут началось самое опасное.

Пришли к Гаврюше двое. Один — от купцов, что устали платить мзду. Другой — от мастеровых, что устали подавать. Оба умоляли: «Помоги и нам».

И Гаврюша — тихий, в очках — вдруг взял и помог. Одному, другому, третьему. Не из выгоды. Из третьей книги. Из памяти.

За полгода он провёл сорок дел. Из них тридцать пять решились по закону. Три — не решились. Два — обернулись против него.

Потому что система заметила. Система, читатель, была как стоячее болото: спокойное, пока в него не бросят камень. А Гаврюша кинул.

Сначала его похвалил мелкий начальник — «за усердие». Потом наградил орденом Третьей Степени — «за добросовестную службу», чтобы заодно привязать к системе. Потом дали ему чин повыше. Потом посадили на приём жалоб. И вот тут-то его и подловили.

Потому что приём жалоб — это такая часть службы, где мзду брать полагается больше всего. А Гаврюша не брал.

Через месяц его обвинили: «Уклонение от получения дохода, облагаемого налогом». Сумма «недополученной» мзды была оценена в триста рублей. Писарю такому-то.

Гаврюша не понимал. Он показывал третью книгу.

— Тут же люди! У меня сорок дел, тридцать пять решено по закону!

— Сорок дел, — согласились ему, — но казна недополучила с этих дел налога с мзды. Извольте доплатить.

— Но я же не брал!

— Вот именно, — сказали ему ласково. — Недополучили.

Уклонение.

Гаврюша сидел над третьей книгой и не знал, что делать. Первая книга была чистая и глупая. Вторая — страшная и мудрая. Третья — человеческая и никому не нужная.

Устин Платонович нашёл его ночью. Гаврюша сидел в канцелярии, при свече, и перелистывал всё три.

— Что делать? — спросил Гаврюша.

Устин Платонович долго молчал. Потом сказал то, чего никогда никому не говорил:

— Гаврюша. Я тебе объясню, как оно устроено. Вот первая книга — это то, как мы хотим о себе думать. Вот вторая — то, как оно на самом деле. А третья — то, чего никто не хочет знать. И знаешь, какая из них самая опасная?

— Какая?

— Третья. Потому что она не про добро и не про зло. Она про человека. А человек нашей державе не нужен. Нашей державе нужны либо добрые, либо злые, но непременно посчитанные. А ты людей посчитал. И потому тебя сжуют.

Гаврюша заплакал.

— И что же — всё? Ничего нельзя?

Устин Платонович помолчал. Потом улыбнулся — в первый раз за повесть.

— Можно, — сказал он. — Только не так, как ты. Ты книги вёл, чтобы правду записать. А надо, чтобы правда сама себя записала.

— Как это?

— А вот как. — И Устин Платонович взял перо и на чистом листе четвёртой книги, которую Гаврюша ещё не завёл, вывел заголовок:

«КНИГА СЛУХОВ».

— Ты думаешь, отчего система так боится честного человека? — спросил он. — Не оттого, что он не берёт. А оттого, что про это узнают. Слух — страшнее указа. Слух не прикажешь, не посадишь, не обложишь. Слух — как дым: вроде нет, а все видят.

И Гаврюша понял.

Он не вернулся на службу. Он уехал в деревню. Завёл пасеку. Стал жить тихо, никого не судить, ничего не писать. Только иногда к нему приезжали люди — один, другой, третий, — и спрашивали совета. И он советовал. И они уезжали.

А слух пошёл сам.

Скоро в народе говорили: «Есть на свете место, где дело решают без мзды». И ещё говорили: «Есть там человек, что книгу ведёт, а в книге — все мы». И ещё: «Он ничего не берёт, зато помнит».

Приезжали к нему и воры, и купцы, и попы, и воеводы. Одни за мздой — уходили ни с чем. Другие за советом — уходили с советом. Третьи — просто посидеть, помолчать.

А в столице тем временем Управа Мзды вдруг заметила, что дела её пошатнулись: мзду стали давать меньше, а налог с неё уплачивать исправнее. То есть — и взятки стало меньше, и казна не поредела. И никакого указа для этого не по-

надобилось. Только один человек, одна пасека и один слух.

Прошло ещё десять лет.

Устин Платонович умер, оставив после себя три шкатулки: с золотым орденом, с серебряным и с бронзовым. В бронзовом лежала записка: «Гаврюше. За четвёртую книгу. Она ещё не написана, но она есть».

А на площади, у памятника чиновнику с протянутой рукой, появилась рядом вторая фигура. Скульптор изобразил человека с пчелиным ульем и книгой под мышкой, без чина и без ордена. Подпись гласила:

«Он ничего не брал. И потому ничего не отдал».

Мораль сей третьей части, читатель, такова: держава, где зло узаконено, боится не воров и не честных, а тех, кто ведёт счёт людям. Потому что счёт золоту — это порядок, а счёт людям — это уже совесть. А совесть, в отличие от mzды, налогом не обложишь: она не берёт, она даёт.

И ещё, на всякий случай, присказка:

Книгу Добрых Дел напишет всякий дурак. Книгу Зла напишет всякий мудрец. А книгу, в которой люди, — не напишет никто. Её только живут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.